

**«Петербургский миф» в социально-политической публицистике мыслителей
славянофильского направления**

Научный руководитель – Прокудин Борис Александрович

Вуколов Александр Алексеевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: sandrovukolov@gmail.com

В своём труде «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» Н. А. Бердяев заметил: «Противоречия русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли. Творчество русского духа так же двойится, как и русское историческое бытие». [2; с. 49] Аполитичный анархизм против бюрократической имперской государственности, универсализм против церковного национализма, безграничная свобода духа вкупе с небуржуазностью против сервилизма и купеческого стяжательства — таковы основные русские антиномии, выводимые Бердяевым. К ним можно прибавить ещё одну чрезвычайно важную антиномию — растянувшееся на несколько столетий противоборство старого «московского» и нового «петербургского» начал.

Как указывает в статье «Петербург и Москва» (1862) И. С. Аксаков, «антагонизм Москвы и Петербурга <...> не прекращался с самой той поры, как возникла у нас литературная деятельность». [1; с. 423] В результате столь продолжительного соперничества «надысторических» идей двух центров Российского государства накопилось колоссальное многообразие историко-философских, публицистических и художественных произведений, оригинально решавших извечную проблему истинной столицы России, попутно смещая прежние акценты и обогащая идеологическое противостояние новоявленными нюансами. Данное обстоятельство позволяет говорить о формировании так называемого «петербургского текста» (термин филолога В. Н. Топорова), в котором реальность города на Неве, сливаясь с оценочными суждениями различных авторов о нём, растворяется в символическом пространстве окружающих его социально-политических и религиозно-мистических мифов. [4; с. 7-22]

Таким образом, в рамках истории социально-политических учений под «петербургским мифом» можно понимать обширный «легендариум» идей, представлений и концепций мыслителей разных поколений, ориентированных на историософское постижение смысла Петрова града как новой столицы Империи, урбанистического эксперимента амбициозного царя-революционера или, по выражению философа и историка культуры К. Г. Исупова, «осуществившейся утопии» (как правило, в контексте бинарной оппозиции «Москва-Санкт-Петербург»). [6; с. 8]

Достаточно остро и щепетильно факт появления Невской столицы переживался в публицистике славянофилов. Так, А. С. Хомяков в работе «О старом и новом» (1839) выражал мнение, что «Петербург был и будет единственно город правительственный», и оттого России будет лишь польза: покуда на морском берегу осуществлялась бы внешнеформальная, сугубо практическая деятельность государства, Москва оставалась бы сосредоточением жизни народного духа «в удалении от всякого временного интереса». [5; с. 47]

Более непримиримую позицию занимали братья К. С. и И. С. Аксаковы. В записке «Значение столицы» (1856) К. С. Аксаков в противоположность Хомякову отстаивал

убеждение, что «столица, с одной стороны, есть центр народный, с другой — центр правительственный»; следовательно, современная ему Россия переживает период внутреннего раздвоения. [6; с. 232] Более того, пребывающий «за чертой русской жизни» Петербург представляется мыслителю «заграничной столицей России». [6; с. 233] Спасение государства, потерпевшего поражение в Крымской войне, состоит единственно в скорейшем возвращении правительственной столицы в земскую Москву, чем и закончится петербургский период русской истории.

В свою очередь И. С. Аксаков в упоминавшейся выше статье осуждает глумливость и желчную либерально-демократическую риторику петербургских газет в отношении Москвы, которые «угнетают <...> самые святые чувства русского народа». [1; с. 425] Для того чтобы европейничающему Петербургу, ныне стоящему в авангарде свершения внешней истории, гармонизироваться с народным организмом, ему необходимо избавиться от личных и случайных элементов дела могучего Петра — «элементов лжи и насилия». [1; с. 425]

Таким образом, петербургский миф в рассмотренных трудах славянофилов представлен в своеобразной градации: от условно нейтрального проявления до весьма негативного. Однако этим исторический спектр его вариаций отнюдь не исчерпывается. В начале XX века петербургский миф стал наполняться новыми или же сызнова активизированными смыслами «в апокалиптических контекстах». [6; с. 51] Отдельного внимания здесь заслуживает сочинение Д. С. Мережковского «Зимние радуги» — речь, с которой поэт выступил в Санкт-Петербурге на собрании Религиозно-философского общества в декабре 1908 г.

Лейтмотивом данного эссе в символистских тонах предстаёт древнее зловещее пророчество: «Петербургу быть пусту». Вернувшийся из столицы французской в российскую, когтимую реакцией и холерой, писатель видит в будто бы совершенно не изменившемся за два года лице одряхлевшего Петербурга «лицо смерти». [3; с. 5] Вспоминая свою недавнюю поездку в Москву, Мережковский почти в славянофильской манере противопоставляет весёлый, развеивающий марево бреда, органичный русский город, где «вот-вот встретишь на углу И. С. Аксакова», «вытащенному из земли» туманному могильному Петербургу, воздвигнутому на костях мертвецов. [3; с. 6-7]

Далее философ обращается к пушкинской поэме «Медный всадник» — теперь живописуемый русский Вавилон окончательно обретает жуткие демонические черты: «вечная дыба, на которой пытаются — Христос или антихрист?», оживший апокалиптический Медный Всадник, гений и смерть здешних мест, к коему стягиваются мертвецы во главе с Акакием Акакиевичем, дабы скопом провалиться в бездну... [3; с. 9-10] То странное знамение в виде бледных радуг, сильно впечатлившее Мережковского 9 января 1905 г., и предуготовило заключительную дилемму статьи: или Петербург, или Россия. Третьего варианта эсхатология обречённого града не предусматривает.

Подводя итог, нужно сказать, что, невзирая на всю имеющуюся пестроту текстуальных воплощений, петербургский миф всё же сохраняет своё внутреннее смысловое единство в славянофильской публицистике, являясь внеисторическим «носителем исторической идеи Петра», зыбким и чужеродным цивилизаторским началом, не живущим «одною жизнью с Москвою и со всею Русью». [1; с. 425]

Источники и литература

- 1) Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. — М., 2010.
- 2) Бердяев Н. А. Избранные труды. — М., 2010.
- 3) Мережковский Д. Собрание сочинений. Большая Россия. — М., 2011.
- 4) Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. — СПб., 2003.

- 5) Хомяков А. С., Киреевский И. В. Избранные сочинения. — М., 2010.
- 6) Москва–Петербург: pro et contra, антология. — СПб., 2000.